

Болтливые вещи

Котэ Шрёдингера

Артём Шаповалов

Артём Шаповалов

**Болтливые вещи.
Котэ Шрёдингера**

«Автор»

2026

Шаповалов А.

Болтливые вещи. Котэ Шрёдингера / А. Шаповалов — «Автор»,
2026

Привычная жизнь Игната Тополева рушится, когда во время починки кофеварки он получает удар током и внезапно начинает слышать голоса предметов. Носки, зеркало и диван обретают характеры и втягивают его в приключения. В тот же день на пороге появляется адвокат с заказом: из закрытого особняка магната Варламова исчезла антикварная статуэтка «Котэ Шредингера». Поддавшись на уговоры вещей, Игнат берётся за дело, ещё не зная, что оно выведет на след его собственного тайного прошлого.

© Шаповалов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первые слова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Артём Шаповалов

Болтливые вещи. Котэ Шрёдингера

Глава 1. Первые слова

Сознание возвращалось к Игнату Тополеву нехотя, словно боялось того, что увидит по прибытии. Последнее, что сохранила память перед тем, как выключили свет, была ослепительная голубая искра, вылетевшая из недр кофемолки, которую мама с бабушкой Игната насмотревшись сериала назвали «Изаура», и собственное тело, которое вдруг решило, что законы физики всего лишь рекомендация, а вовсе не обязательство. Теперь он лежал на полу собственной кухни в старой пятиэтажке на Юго-Западе Москвы, и в затылок ему упиралась ножка табуретки, пахло палёной проводкой и почему-то кардамоном, хотя никакого кардамона в доме не водилось уже лет восемь.

«Сотрясение, — подумал Игнат, не открывая глаз. — Как минимум. Или клиническая смерть, тогда я, выходит, должен видеть туннель и слышать голоса умерших родственников. Интересно, дядя Коля уже и там научился гнать самогон, и спаивает ангелов?»

Но вместо дяди Коли, которого Игнат помнил исключительно по рассказам матери как человека, способного заснуть на ходу и однажды проспавшего собственную свадьбу, он услышал совсем другие голоса. Они доносились откуда-то снизу, из района его собственных ступней, и звучали настолько отчётливо, что первая мысль была о соседях, может, опять Петровы из тридцать восьмой что-то не поделили и теперь выясняют отношения на повышенных тонах, а звук идёт через вентиляцию, как это часто бывает в панельных домах, где архитекторы явно проектировали воздуховоды с расчётом на то, чтобы жильцы были в курсе всех подробностей чужой жизни.

— Я тебе говорю, это случится! — произнёс первый голос, удивительно бодрый для обстановки, и в нём звенела та особая радость, с которой обычно сообщают о предстоящем конце света или повышении квартплаты. — Сегодня он наступит в лужу, простудится, заболеет воспалением лёгких и умрёт! Ты только представь себе это великолепие! Больничная койка, капельницы, сочувствующие медсёстры Нет, правда, какой чудесный день нас ожидает!

— Ох, — отозвался второй голос, и в нём слышалась такая глубокая, вековая скорбь, какой не наберётся и у всех философов-экзистенциалистов, вместе взятых, — не говори ерунды. Никто не умрёт. Его ждёт повышение гонорара, крупный клиент и, возможно, даже романтическое знакомство. Всё будет хорошо. Ты меня слышишь? Хо-ро-шо. И это просто ужасно!

Игнат медленно, очень медленно приоткрыл правый глаз. Кухня была на месте. Старый холодильник «ЗИЛ», который помнил ещё Брежнева и при запуске издавал звук, сравнимый с отбытием товарного поезда, стоял в углу и, кажется, сочувственно помалкивал. Газовая плита с конфорками, заляпанными чем-то, что могло быть и остатками вчерашнего ужина, и палеолитическими отложениями, равнодушно поблёскивала эмалью, а на полу, прямо перед лицом Игната, лежали два носка.

Правый носок был ярко-оранжевый, с жёлтыми полосками, и выглядел так, словно его связали из шерсти, отобранной у мандарина-мутанта в период обострения весеннего авитаминоза. Он был изрядно потрёпан, на пятке виднелась штопка, сделанная нитками вишнёвого цвета, что придавало ему сходство с цирковым клоуном, пережившим неудачное падение в оркестровую яму. Левый носок, напротив, был тёмно-серый, почти чёрный, без единого узора, если не считать узором катышки, покрывшие его подобно мху на древнем валуне. Он имел

такой вид, будто его носили не на ноге, а на душе, причём душа эта принадлежала человеку, который ежедневно ожидал вызова в налоговую.

Игнат закрыл глаз. Потом открыл снова. Носки никуда не делись.

— Ты только посмотри, он приходит в себя! — радостно воскликнул оранжевый. — А я уж боялся, что удар током оказался смертельным, и мы осиротели. Представляешь, Виталя, какая была бы трагедия? Мы бы остались без хозяина, нас бы выбросили на помойку, и там, среди гниющих очистков и битого стекла, мы бы медленно разлагались, пока какой-нибудь бомж не приспособил бы меня под чехол для фляги. Романтика!

— Не выбросили бы, — мрачно отозвался серый носок. — Нас бы отдали бедным родственникам, и мы бы ещё лет сорок грели ноги какому-нибудь пенсионеру в Мытищах. Это было бы очень, очень хорошо. Стабильность, уют, отсутствие приключений. Кошмар!

— Позвольте, — произнёс Игнат, и собственный голос показался ему чужим, как будто он одолжил его у кого-то более здравомыслящего и теперь не знал, как вернуть, — вы разговариваете?

— А ты наблюдателен, — восхитился оранжевый. — Я Валерий, но друзья зовут меня Валера. Можешь звать меня просто Валера. Я, знаешь ли, демократичен. Терпеть не могу официоз. А этот мрачный тип — Виталя. Мой брат по несчастью и по пряже, вы с ним парные, хотя, как видишь, совершенно непохожи. Природа любит контрасты.

— Я не мрачный, — сообщил Виталя таким тоном, будто читал вслух некролог собственной бабушке, которую, впрочем, никогда не любил. — Я реалист. И я точно знаю, что всё будет хорошо. А это означает лишь одно: готовься к худшему. Хорошее всегда приходит с довеском в виде неприятностей. Как в супермаркете: покупаешь акционный сыр, а дома обнаруживаешь, что срок годности истёк позавчера. Сыр вкусный, но последствия необратимы.

Игнат сел на полу, прислонившись спиной к холодильнику, и некоторое время просто смотрел на носки. Носки, надо отдать им должное, вели себя идеально для галлюцинации: они не исчезали, не меняли очертаний, не начинали петь арии из оперетт, что было бы вполне в духе расстройства психики, вызванного электрошоком. Они просто лежали и переругивались, как старая супружеская пара, которая давно выяснила все границы дозволенного и теперь развлекалась их периодическим пересмотром.

— Итак, — произнёс Игнат, обращаясь неизвестно к кому — возможно, к самому себе, потому что обращаться к носкам казалось ему шагом, за которым неизбежно последует смиренная рубашка и задушевные беседы с психиатром о том, как в детстве ему не хватало материнской любви, — допустим, я сошёл с ума. Это объяснение меня вполне устраивает. Оно логично, не противоречит наблюдаемым фактам и даже, я бы сказал, элегантно. Вопрос только в том, почему мой воспалённый мозг решил наделить даром речи именно носки? Почему не, скажем, картину? Или книжный шкаф? Там, по крайней мере, можно ожидать содержательной беседы.

— Картина — это пошло, — обиделся Валера. — Все психи представляют себе говорящие портреты. А ты у нас оригинал. К тому же книжный шкаф ты услышал бы ещё вчера, если бы потрудился к нему подойти. Он, между прочим, уже лет десять пытается тебе намекнуть, что ты ставишь на него кружку с чаем, и это его оскорбляет. Но ты же у нас человек занятой, тебе не до шкафов.

— Шкаф «Генрих» — очень воспитанный предмет мебели, — добавил Виталя с интонацией, какой обычно обсуждают покойника на поминках, стараясь найти в нём хорошие стороны и не находя. — Он никогда не жалуется вслух, только тихо рассыхается. Ещё лет пять, и он развалится. Но это хорошо: освободится место, станет просторнее. Жить в пустой квартире, ну что может быть приятнее? Никакой мебели, никаких проблем. Лежи на полу и смотри в потолок. Идиллия.

Игнат потёр виски. Голова болела, но болела она как-то обыденно, без налёта потусторонности, и это немного успокаивало. За окном шумела Москва — где-то далеко, на Ленинском проспекте, выясняли отношения автомобили, во дворе кричали дети, а из открытой форточки тянуло запахом бензина и мокрой листвы. Обычный сентябрьский день, обычный спальный район, обычная квартира с потрескавшимися обоями и счетами за коммуналку, которые Игнат принципиально не открывал, полагая, что незнание суммы долга делает его морально свободным человеком.

Он осторожно, двумя пальцами, поднял с пола Валерия и поднёс к глазам. Носок пах ношеной обувью и чуть-чуть стиральным порошком, тем самым дешёвым, из супермаркета, который Игнат покупал по акции и который пах не столько свежестью, сколько химической надеждой на свежесть.

— Ты существуешь, — констатировал Игнат. — На ощупь ты шерстяной, от тебя пахнет, ты разговариваешь. Если я сейчас положу тебя в ящик и закрою, ты замолчишь?

— Попробуй! — с энтузиазмом предложил Валера. — Я буду орать из ящика, как домовый, которого забыли покормить. Соседи вызовут полицию, тебя заберут в участок, там ты познакомишься с интересными людьми, один из которых окажется серийным убийцей, и вы вместе совершите побег. Я уже вижу эти заголовки: «Бывший следователь стал подельником маньяка из-за говорящего носка». Ты станешь знаменит!

— Или тебя просто примут за сумасшедшего, посадят в лечебницу, и там ты проведёшь остаток жизни, питаешься манной кашей и глядя в белый потолок, — добавил Виталя. — Но там хорошо кормят. И режим. Режим — это прекрасно.

— Кто из вас предсказывает будущее? — спросил Игнат, решив, что раз уж он разговаривает с носками, то нужно хотя бы систематизировать информацию. Годы работы в убойном отделе приучили его к тому, что даже в самом абсурдном деле должна быть логика, пусть и извращённая.

— Я! — хором ответили оба.

— Он предсказывает хорошее, — пояснил Валера. — Но подаёт это как траурную телеграмму. А я — плохое. Но с таким оптимизмом, что даже мор по бубонной чуме покажется тебе увлекательным приключением. Мы как две стороны одной монеты, только монеты нет, а носки есть.

— Мы — диалектика, — подвёл итог Виталя. — Единство и борьба противоположностей. Я — тезис, он — антитезис, а ты — синтез. Правда, синтез у тебя пока хромает, но это придёт. Придёт обязательно, и это плохо.

Игнат положил Валерия обратно на пол, встал на ноги и подошёл к столу, где всё ещё стояла кофемолка «Изаура» с торчащей из неё отвёрткой, похожая на раненого зверя, которому не успели оказать ветеринарную помощь. Он потянулся к ней, чтобы вытащить отвёртку и наконец привести прибор в божеский вид, но в ту же секунду услышал новый голос — на этот раз женский, низкий, с хрипотцой, какой бывает у певиц, слишком долго выступавших в прокуренных кабаре.

— Руки уברי, — произнесла Изаура. — Хватит с меня твоих ремонтов. В прошлый раз ты меня чуть не угробил. Я, между прочим, советской закадки. Я ещё твою мать пережила, и твою бабу, и ту странную тётку из Саратова, которая приезжала в восемьдесят шестом и пыталась сделать из меня мясорубку. Ко мне нужно с почтением, а ты с отвёрткой, хам невоспитанный!

Игнат замер с протянутой рукой. Где-то в глубине души он уже начал привыкать к тому, что неодушевлённые предметы больше не собираются соблюдать субординацию. Но кофемолка говорила с таким апломбом, будто это она платила за квартиру, а Игнат был временным жильцом, которому из милости разрешили ночевать на кухне.

— Изаура, — сказал он примирительно, — я всего лишь хотел починить

— «Починить»! — передразнила кофемолка. — Ты даже не знаешь, где у меня внутри что! Ты полез в меня с отвёрткой, не выключив из розетки, и в результате устроил короткое замыкание. Я теперь чувствую себя так, будто меня лизнула молния, а потом ещё и пнули для верности. Спасибо, не надо. Лучше отнеси меня в ремонт, к профессионалам. На Братиславской есть мастер, он понимает душу старых приборов. А ты — ты только и умеешь, что виски пить и разговаривать с носками.

— Профессионалам? — переспросил Игнат. — Ты предлагаешь мне отнести кофемолку в ремонт, потому что она сама об этом попросила? Меня же там примут за городского сумасшедшего.

— Примут, — согласился Виталя. — И это хорошо. В психоневрологическом диспансере бесплатные лекарства и трёхразовое питание. Очень удобно.

— Или ты встретишь в очереди в ремонт прекрасную незнакомку, которая тоже принесла свой старый вентилятор, вы разговоритесь, и окажется, что она — пропавшая дочь миллиардера, а ты — единственный, кто может ей помочь! — подхватил Валера. — Или у неё в сумке окажется бомба. Тут уж как повезёт.

Игнат решил пока не трогать кофемолку и направился в прихожую, потому что вспомнил, что там висит большое настенное зеркало, которое он, к слову, не протирал уже месяца два, теперь, в свете открывшихся обстоятельств, эта мысль вдруг показалась ему ужасно неловкой, словно он игнорировал гостя, который всё это время вежливо ждал, когда на него обратят внимание.

В прихожей было сумрачно. Лампочка перегорела ещё в июле, а заменить её у Игната никак не доходили руки, потому что для этого нужно было найти стремянку, а стремянка находилась в кладовке, ключ от которой потерялся при обстоятельствах, слишком унижительных, чтобы о них вспоминать. Зеркало висело над старой тумбочкой и отражало ровно столько света, сколько пробивалось из кухни, этого хватало, чтобы разглядеть в нём человека, который выглядел так, будто его только что вытащили из-под завала, но он не терял присутствия духа, потому что дух уже был утрачен значительно раньше.

— Явился, — произнесло зеркало голосом, в котором смешались интонации старого актёра Малого театра и консьержки, которая видела слишком многое, чтобы удивляться, но всё ещё способна поджать губы. — Я уж думал, ты никогда не придёшь. Хотя, честно говоря, лучше бы и не приходил. На тебя смотреть страшно. Ты знаешь, что у тебя синяк на лбу? И щетина. И глаза красные. Ты похож на человека, который проиграл драку с собственной судьбой и теперь требует реванша.

— Ты зеркало, — сказал Игнат. — Ты должно показывать, а не комментировать.

— Я Нарцисс Мартынович, — с достоинством ответило зеркало. — И за тридцать лет, что я вишу в этой квартире, я имело удовольствие лицезреть столько всего, что молчать было бы просто неприлично. Твоя бабушка, царствие ей небесное, надевала передо мной свою знаменитую шляпу с вишнями и каждый раз спрашивала: «Ну как?» — и я молчал. Молчал, Игнат. Тридцать лет! Теперь, когда у меня наконец появилась возможность высказаться, ты хочешь заткнуть мне ну, скажем так, моё амальгамированное стекло. Не выйдет! Я буду говорить! И я скажу тебе, что этот галстук, который ты планируешь надеть, ужасен. Даже не думай! Он тебя старит.

— Я не планировал надевать галстук, — растерянно ответил Игнат, потому что действительно не планировал, но теперь вдруг задумался, не стоит ли именно сегодня принарядиться — чисто из уважения к предметам, которые решили с ним заговорить.

— И правильно, — одобрило зеркало. — Галстук — это удавка, которую человечество добровольно носит на шее, чтобы порадовать работодателя. Ты частный детектив, а не клерк. Оставь галстук для допросов и похорон. Кстати, о похоронах: твои носки сказали тебе, что сегодня кто-то умрёт?

— Они сказали много разного, — осторожно ответил Игнат, начиная понимать, что его квартира, оказывается, обладает куда более насыщенной социальной жизнью, чем он сам. — Но я пока не понял, стоит ли им верить.

— Носки врут, — вставила из кухни Изаура. — Особенно правый. Он тебе такого наперед-сказывает — закачаешься. А ты лучше меня слушай. Я тут стою с восемьдесят четвёртого года. Я помню перестройку, путч, дефолт и когда у тебя в прошлом году чуть не увели клиента прямо из-под носа. И я тебе скажу: клиент, который придёт сегодня, — он непростой. От него пахнет проблемами. Я чую.

— Ты кофемолка, — напомнил Игнат. — Ты не можешь чують. У тебя нет обоняния.

— У меня есть душа, — парировала Изаура. — И эта душа чувствует неприятности так же ясно, как ты чуюшь запах жареной картошки.

Игнат хотел ответить что-то едкое, но тут в прихожую со стороны кухни пришлёпали оба носка. Передвигались они странными, извилистыми движениями, напоминающими танец пьяной гусеницы, и при этом не переставали спорить, потому что спор, видимо, был их естественным состоянием, как для рыб — вода, а для москвичей — недовольство погодой.

— Я тебе говорю, сегодня будет дождь! — восклицал Валера. — Ливень! Потоп! И вода протечёт сквозь подошву его ботинок, и он промочит ноги, и заболит, и не сможет пойти на встречу, и клиент уйдёт, и его выселят из квартиры, и он окажется на улице, где будет ночевать под мостом и питаться объедками! Разве это не чудесно? Новые ощущения, свежий воздух, полная свобода!

— Нет, — угрюмо отвечал Виталя. — Светит солнце. Будет тепло. Он заключит выгодный контракт, заработает кучу денег и купит новые носки. Это ужасно. Просто ужасно. Представляешь, новые носки? А нас отправят в ссылку на антресоли. Пожизненно. Без права переписки.

Игнат опустил на корточки и посмотрел на них. Оранжевый и серый, лёгкий и тяжёлый, весёлый и мрачный, они были как две половинки его собственного сознания, которые наконец решили выяснить отношения вслух. И в этом было что-то глубоко неправильное, но вместе с тем и странно успокаивающее. Если уж сходить с ума, то в такой компании, где никто не даст заскучать.

Внезапно в дверь позвонили. Звонок Николай Семёнович был старый, механический, с той особой дребезжащей интонацией, которая бывает только у советских дверных звонков, переживших трёх генсеков и одну перестройку, но так и не научившихся звучать приветливо. Игнат вздрогнул и машинально поправил воротник рубашки, хотя рубашка была мятая и поправлять её было всё равно что причёсывать лысину.

— Клиент, — констатировал Николай Семёнович. — Высокий, в дорогом пальто, пахнет одеколоном и самоуверенностью. На левой манжете — запонка с гербом. Такие люди не приходят к частным детективам просто так. Они приходят, когда уже всё случилось и осталось только найти крайнего.

— Беги открывать! — радостно крикнул Валера. — Это твой шанс! Или ловушка! В любом случае — весело!

— Ступай, — вздохнул Виталя. — Тебя ждёт работа. Много работы. Интересная, хорошо оплачиваемая работа. Бедный ты, бедный.

Игнат направился к двери, чувствуя, как под ногами поскрипывает старый паркет, который пока ещё молчал, но, кажется, только из вежливости. За дверью стоял человек, которого он меньше всего ожидал увидеть в это утро, но который, судя по всему, был именно тем самым клиентом, от которого зависит, купит ли Игнат новые носки или отправится жить под мост.

Он повернул ручку и открыл дверь, уже готовый к любому развитию событий — кроме, пожалуй, того, что дверь вдруг скажет ему «пожалуйста» в ответ. Но дверь промолчала. По крайней мере, пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.